

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

В. А. Черепанов

Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 декабря 2017 г.

Дата принятия в печать

10 октября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

8 ноября 2018 г.

Ключевые слова

Правомерное поведение; противоправное поведение; криминогенная личность; криминогенные диспозиции личности; пассивное избирательное право; недифференцированное ограничение пассивного избирательного права

Аннотация. Важнейшей составляющей государственной политики по противодействию коррупции является работа по недопущению во властные структуры, в том числе на выборные должности, лиц, обладающих личностными качествами, определяющими их способность совершать противоправные действия. По мнению автора, личностные качества, детерминирующие противоправное поведение, следует считать важнейшим противопоказанием для занятия выборной должности любого уровня. С учетом положений криминологической науки, а также результатов социально-психологических исследований такие свойства личности рассматриваются как криминогенные диспозиции личности — фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности (готовности) воспринимать и оценивать конкретные жизненные ситуации, а также действовать в этих ситуациях неправомерным образом. Исходя из коррупционных уголовных дел последних лет в отношении руководителей ряда регионов и крупных городов можно говорить о возникновении в нашей стране реального социального противоречия между криминологическими противопоказаниями к занятию выборной должности и фактическим наличием криминогенных качеств у некоторых людей, замещающих эти должности. Данное противоречие составляет криминологическую проблему, исследованию которой посвящена статья. Проведенный в ней анализ лишь одной группы избирательных цензов пассивного избирательного права (по признаку судимости осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления) показывает, что при этом ограничение права граждан быть избранными осуществляется без учета криминологических особенностей личности преступника, что вызывает серьезные сомнения в их соответствии правовым принципам справедливости и соразмерности. В статье сформулированы предложения по корректировке этих конкретных избирательных цензов и обозначены возможные пути решения сформулированной криминологической проблемы в целом.

ON CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF RESTRICTING THE RIGHT TO BE ELECTED IN COUNTERACTING CORRUPTION

Victor A. Cherepanov

Stavropol State Agrarian University, Stavropol, the Russian Federation

Article info

Received

2017 December 18

Accepted

2018 October 10

Available online

2018 November 8

Keywords

Lawful behavior; unlawful behavior; criminogenic personality; criminogenic personal dispositions; a right to be elected undifferentiated restrictions on the right to be elected

Abstract. A vital component of state anti-corruption policy is the prevention of people whose personal qualities determine their ability to commit offences from taking up public offices, including elected ones. The author believes that personal qualities determining unlawful behavior should be viewed as a major contra-indication to holding elected office at any level. Taking into account the criminological theory and the results of socio-psychological research, such personal qualities are viewed as criminogenic dispositions of a personality — inclination (readiness) to perceive and evaluate life situations, as well as to act in such situations in an unlawful way that is fixed in this person's social experience. Based on the criminal cases of corruption in recent years involving the leaders of a number of Russian regions and large cities, it is possible to say that there has emerged a real social contradiction between criminological counter-indicators to holding elected office and the actual existence of criminogenic qualities in some people who hold such offices. This contradiction is a criminological problem that the author aims to research. The presented analysis of just one group of restrictions on the right to be elected (criminal record for grave and very grave crimes) shows that the restriction of the right of a citizen to be elected does not take into account the criminological characteristics of a criminal's personality, which raises serious concerns regarding the correspondence of such restrictions to the legal principles of justice and proportionality. The author gives suggestions on the amendment of these election restrictions and outlines possible solutions for the presented criminological problem in general.

Введение. Важнейшей составляющей государственной политики по противодействию коррупции, как представляется, должна быть систематическая работа по недопущению во властные структуры лиц, обладающих личностными качествами, детерминирующими противоправные действия с их стороны. В рамках настоящей статьи рассмотрены некоторые криминологические аспекты данного вопроса, связанные с противоправным поведением лиц, замещающих *выборные* должности. Поскольку деятельность таких лиц должна быть основана на российском законодательстве (более того, они сами принимают законы или иные нормативные правовые акты), значит, наличие у них личностных качеств, детерминирующих противоправное поведение, по нашему глубокому убеждению, следует рассматривать как *противопоказание* для занятия любых выборных должностей, хотя у замещающих их людей такие качества нередко присутствуют. Подтверждением тому служат коррупционные уголовные дела последних лет в отношении руководителей ряда регионов и крупных городов (республики Коми и Удмуртия; Брянская, Кировская, Сахалинская, Новосибирская, Тульская и Челябинская области; Владивосток, Махачкала, Ярославль).

Таким образом, считаем возможным полагать, что в нашей стране сложилось реальное социальное противоречие между криминологическими противопоказаниями к занятию выборных должностей и фактическим наличием криминогенных качеств у ряда людей (разумеется, не у всех), замещающих эти должности. Данное противоречие, затрагивая сущность представительной демократии, составляет *важную государственную проблему* и требует надлежащих государственно-правовых мер для ее адекватного решения¹. В этой связи нами сделана попытка проанализировать *криминологические* аспекты проблемы «профессиональной непригодности» народных представителей (далее — криминологическая проблема) и обозначить возможные пути ее решения².

¹ Под проблемой в теории социального познания понимается некое противоречие, требующее своего разрешения; проблема рассматривается как особая его форма [1, с. 36; 2, с. 71–74; 3, с. 112–113].

² В криминологической науке, как известно, обоснована точка зрения о том, что криминология помимо *преступного* занимается изучением и *непреступного*

Анализ криминологической проблемы.

Начнем с рассмотрения бинарной оппозиции — правомерное и противоправное поведение — и выделим ряд теоретических положений, сформулированных в криминологической науке, которые представляются необходимыми для дальнейших научных рассуждений [4, с. 248–377; 5, с. 32–36, 160–226; 6, с. 17–72; 7; 8, с. 330–366; 9]³.

1. Правомерное и противоправное поведение — это социальная норма и социальная патология. Соответственно, правомерное поведение заключается в соблюдении правовых предписаний, а противоправное — в их нарушении.

2. Противоправное поведение может быть рассмотрено как результат взаимодействия личности и конкретной жизненной ситуации. В этой связи его причинами на *индивидуальном* уровне выступают, с одной стороны, особенности личности, с другой — особенности конкретной жизненной ситуации.

3. Диапазон правонарушений по степени их общественной опасности (вредности) довольно велик. Наряду с преступлениями к числу правонарушений относятся и такие противоправные поступки, как переход улицы на красный свет, проход по газону и т. п. Нельзя полагать, что каждое такое нарушение совершается лицами, имеющими антисоциальные качества (если, конечно, не превращать последнее понятие, по образному выражению В. Н. Кудрявцева, в условную, неуловимую категорию [5, с. 181]).

противоправного поведения, которое тесно взаимосвязано с преступным, нередко предшествует ему и перерастает в преступные деяния [4, с. 20–21]. Именно по этой причине мы говорим о «профессиональной непригодности» замещающих выборные должности лиц, обладающих личными свойствами, детерминирующими противоправное поведение, в целом как о *криминологической* проблеме.

³ Одни из этих положений были сформулированы применительно к противоправному поведению в целом, другие — в отношении преступного поведения, однако их использование при изучении противоправного поведения в целом представляется вполне оправданным. «То обстоятельство, что при анализе правонарушений мы часто обращаемся к данным о преступности, обусловлено не только развитием криминологии, но и тем, что преступность как социальное и правовое явление имеет много общего с другими правонарушениями, — писал по этому поводу В. Н. Кудрявцев. — Вот почему можно в известном смысле рассматривать преступность с присущими ей закономерностями в качестве «модели» правонарушений в целом, — разумеется, имея в виду, что это наиболее опасная часть правонарушений, наиболее острая форма антисоциального поведения [7, с. 54].

Чем *серьезнее* правонарушение, тем *глубже*, как правило, *должна быть деформирована личность*, чтобы его совершить. Напротив, мелкие правонарушения могут быть допущены и людьми, в отношении свойств личности которых нельзя сделать каких-либо серьезных упреков. Это не исключает их вины и ответственности, но вовсе не свидетельствует об «испорченной натуре». Незначительные и несистематические отклонения от точного нормативного порядка, не повлекшие вредных последствий, представляют собой достаточно обычное, естественное свойство человеческого поведения и могут быть обозначены как флуктуации, присущие любой социальной системе.

4. В криминологической литературе выделяются различные антисоциальные качества, определяющие готовность человека к противоправному способу действий, которые называются по-разному: антиобщественная или антисоциальная установка, антиобщественная ориентация или антиобщественная направленность личности, опасное состояние личности и т. п.

Для обозначения типа личности, обладающего такими антисоциальными качествами, был предложен термин «криминогенная личность», которой «присущ комплекс содержательных социально обусловленных характеристик, типичный для многих из тех, кто совершает преступления, и определяющий *большую* (в сравнении с другими типами личности) вероятность преступного поведения. Такая вероятность реализуется только во взаимодействии с определенной социальной средой. Если подходящих условий не будет, то возможность не перерастет в действительность» (курсив наш. — В. Ч.) [4, с. 288].

5. Однако в большинстве случаев непосредственной причиной неправомерного поведения, в первую очередь правонарушений повышенной общественной опасности, а также совершаемых с прямым умыслом, выступают именно *криминогенные свойства личности*, именуемые, как отмечалось, по-разному. В худшем случае складывается стойкая индивидуалистическая жизненная установка личности, которую В. Н. Кудрявцев в своей классической работе «Причинность в криминологии» называл антиобщественной (антисоциальной) установкой. Антиобщественная установка, взятая в наиболее «концентрированном» виде, включает индивидуальную жизненную ориентацию, пренебрежение нормами правопорядка и нравственности,

безразличие к выбору средств для достижения своих целей, негативное отношение к общественным нуждам и интересам [6, с. 34–35].

Рассмотрим эти криминологические положения с учетом научных исследований в области социальной психологии, для чего обратимся к диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности, разработанной В. А. Ядовым [10; 11]. Согласно данной теории, поведение человека детерминируется совокупностью различных *диспозиций личности* (состояний *готовности* к определенному способу действий), под которыми понимаются фиксированные в ее социальном опыте *предрасположенности* воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в таких условиях определенным образом. Диспозиционная структура личности образует сложную иерархическую систему, которая регулирует поведение человека:

1. К низшему ее уровню относятся *элементарные фиксированные психологические установки*, исследованные Д. Н. Узнадзе.

2. Второй уровень — *социальные фиксированные установки*, обладающие сложной структурой, в которой принято выделять три основных компонента: эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (аспект поведенческой готовности). Иными словами, это то, что в зарубежной социальной психологии именуется таким термином, как attitude [12–16], который в отечественной литературе переводится на русский язык как «социальная установка» или употребляется без перевода (аттитюд [11, с. 27–31] либо аттитуд [16, с. 281–292]).

3. Следующий диспозиционный уровень — общая направленность интересов личности в ту или иную сферу социальной активности, или *базовые социальные установки*, которые более устойчивы, чем установки на отдельные социальные объекты или ситуации.

4. Высший уровень диспозиционной структуры личности образует *система ценностных ориентаций* на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни данного индивида.

Такова упрощенная модель диспозиционной структуры личности, на основе которой ее криминогенные свойства, по нашему мнению, могут быть рассмотрены именно как криминогенные диспозиции личности — фиксированные

в ее социальном опыте предрасположенности (готовности) воспринимать и оценивать конкретные жизненные ситуации, а также действовать в этих ситуациях неправомерным образом.

Если наши рассуждения справедливы (а против них не видно принципиальных возражений), то для противодействия коррупции среди лиц, замещающих выборные должности, нужно определить перечень четко и однозначно фиксируемых *объективных* показателей, при наличии которых можно обоснованно утверждать о наличии криминогенных диспозиций, а затем сформулировать законодательные ограничения пассивного избирательного права тех людей, которые соответствуют таким критериальным показателям. Попробуем разобраться в этих непростых вопросах и обозначить возможные пути решения криминологической проблемы.

Поиск решения криминологической проблемы. Начнем с обсуждения простого вопроса: означает ли наличие у человека криминогенной диспозиции то, что он обязательно осуществит неправомерное действие, ей соответствующее? Рассмотрим в этой связи результаты известного эксперимента, осуществленного американским психологом Р. Лапьером в 1930–1932 гг., которые были опубликованы в журнале *Social Forces* [17].

Исходя из данных, полученных из различных научных исследований, в то время считалось, что у американцев имелась определенная социальная установка (*general attitude*) по отношению к лицам азиатского происхождения, которая заключалась в социальном дистанцировании от них. Для изучения ее влияния на *действительное* поведение в *реальных* ситуациях Лапьер в течение двух лет путешествовал по США на автомобиле вместе с молодым китайским студентом и его женой с типичной для этой национальности внешностью, принадлежность к которой не могла быть ничем замаскирована.

Проехав дважды через территорию США (вверх и вниз по Тихоокеанскому побережью), участники эксперимента были приняты в 66 отелях и кемпингах (при одном отказе в размещении) и обслужены в 184 ресторанах и кафе. При этом Лапьер, стараясь максимально исключить влияние своего присутствия на поведение обслуживающего персонала, предоставлял своим спутникам возможность самим договариваться о размещении в отелях и кемпингах и отправлял их самих (впереди себя) заказывать столик в ресторанах и кафе. В итоге ученый был вынужден прийти к заключению, что те факто-

ры, которые оказывали наибольшее влияние на поведение американцев по отношению к китайцам, не имели ничего общего с их национальной принадлежностью. По его образным словам, высокомерный офисный клерк в уважаемой гостинице не мог отказать в своем гостеприимстве людям, хотя они могли выглядеть как «сермяжные туристы» (*tin-can tourists*), а двое из них вообще принадлежали к азиатской расе [17, p. 232].

По мнению Лапьера, собранные факты, безусловно, исключали вывод о том, что существует сильное предубеждение по отношению к китайцам. Однако, с другой стороны, наличие такого предрассудка подтверждалось результатами проведенных в то время исследований *attitude*, которые осуществлялись общепринятым опросным путем (когда респонденту задавались вопросы о его возможном поведении в отношении людей той или иной национальности). Поскольку в ходе такого опроса выявлялась *гипотетическая* реакция на *гипотетическую* ситуацию, то ученый решил провести ее сравнение с *действительной* реакцией на *реальную* ситуацию.

С этой целью спустя шесть месяцев после посещения указанных заведений⁴ в их адрес были направлены письма с вопросом «Сможете ли Вы принять в качестве клиентов лиц китайской национальности?» (*Will you accept members of the Chinese race as guests in your establishment?*), на которые откликнулось 128 заведений. Ответ «Нет» содержали 92 % писем, в остальных ответ был неопределенным: «Не могу сказать точно, в зависимости от обстоятельств». И только одна женщина, владелица небольшого кемпинга, ответила «Да», сопровождая свое согласие словоохотливым рассказом о визите китайского джентльмена и его жены прошлым летом. «Довольно нелицеприятная интерпретация, — отмечал Лапьер, — может быть дана тому факту, что те учреждения, которые так любезно обеспечили наши нужды, спустя несколько месяцев были *вербально* антагонистичны по отношению к *гипотетическим* китайцам» (курсив наш. — В. Ч.) [*ibid.*, p. 234].

Итак, было обнаружено явное несоответствие между социальной установкой (*attitude*) американцев в отношении лиц китайской на-

⁴ Предполагалось, что влияние реального опыта общения с китайскими клиентами, имевшего место в ходе проведения эксперимента, исчезнет или ослабнет в течение этого шестимесячного срока.

циональности и их *реальным* поведением (overt behavior) в *реальной* ситуации.

Парадокс Лапьера, описанный в 30-е гг. прошлого столетия, породил многочисленные исследования, в результате которых в настоящее время отношение к данной проблеме значительно изменилось. В современной психологической и социологической литературе сформулированы различные теоретические схемы, объясняющие влияние attitudes на реальное поведение (influence of attitudes on behavior), возникающее несогласование (inconsistency) между ними и возможность прогнозирования поведения человека, обладающего определенными социальными установками (prediction of behavior) [12, p. 173–221; 13, p. 436–457; 16, с. 284–292].

Формат научной статьи не позволяет проанализировать весь спектр теоретических воззрений и результаты многих современных исследований по данной тематике. Отметим лишь, что в фундаментальной монографии, посвященной изучению attitudes, выпущенной в Лондоне в 2005 г., подчеркивается, что результаты этих исследований в значительной степени развеяли озабоченность тем, что генеральные установки (general attitudes) не связаны с действительным поведением, поскольку в настоящее время мы понимаем, что такие установки могут быть использованы для прогнозирования поведения, однако индивидуальные действия, совершаемые в конкретной ситуации, детерминированы не только генеральными установками, но и широким набором других факторов [12, p. 181], в числе которых выделены настроение человека, манера его поведения (спонтанная или основанная на анализе ситуации — так называемая MODE model), поведенческий опыт в отношении объекта установки, усвоенный и актуальный поведенческий контроль, особенности ситуации, в которой осуществляется действие, и т. п. [ibid., p. 173–221].

По нашему мнению, парадокс Лапьера не противоречит диспозиционной концепции личности, наоборот, он вполне объясним в ее рамках, поскольку, о чем говорилось выше, поведение человека, как правомерное, так и противоправное, представляет собой результат взаимодействия личностных диспозиций и конкретной жизненной ситуации. Этот эксперимент еще раз подчеркнул те обстоятельства, на которые постоянно обращается внимание в криминологической науке:

– если есть только установка, значит, соответствующей деятельности еще нет, а есть *лишь готовность* к ней. Если подходящих условий не будет, то эта готовность не перерастет в *реальное* противоправное поведение;

– носителей криминогенных качеств можно обнаружить среди тех, кто не совершил преступления, так как они могут быть практически лишены возможности совершить преступление в результате хорошо организованного социального контроля. В этой связи их правомерное поведение определяется не личностными установками, а исключительно ситуативными обстоятельствами [4, с. 288–291].

Рассмотрим вопрос о соотношении attitude с реальным поведением на простом и понятном каждому примере с уплатой налогов. Предположим, что у человека имеется криминогенная диспозиция личности в отношении уплаты налогов, которая затрагивает все три ее компонента:

– эмоциональный (или оценочный) компонент — он негативно относится к уплате налогов;

– когнитивный (рассудочный) компонент — он знает, что уплата налогов является правовой обязанностью, но в связи с ее негативной оценкой считает, что платить налоги не обязательно;

– поведенческий компонент — у него сформировалась поведенческая готовность к неуплате налогов.

Означает ли, что человек с такой криминогенной диспозицией *наверняка* не будет платить налоги? Очевидно, что его *реальное* поведение зависит от конкретной ситуации. В тех случаях, когда налоговый контроль ослаблен или, например, велик соблазн утаить от налогообложения значительную денежную сумму, вполне можно прогнозировать совершение им налогового правонарушения. Однако, когда налажен жесткий налоговый контроль и уклонение от уплаты налогов приводит к серьезным материальным, репутационным или иным потерям, поведение такой криминогенной по своей сущности личности может оказаться абсолютно правомерным.

В этой связи всех лиц с криминогенными диспозициями условно разделим на две категории. К *первой* отнесем тех, у которых они *не проявились* в реальном противоправном поведении. Очевидно, что, несмотря на наличие негативных личностных свойств, говорить об ограничении пассивного избирательного права таких людей не представляется возможным, поскольку в противном случае это будет осуществ-

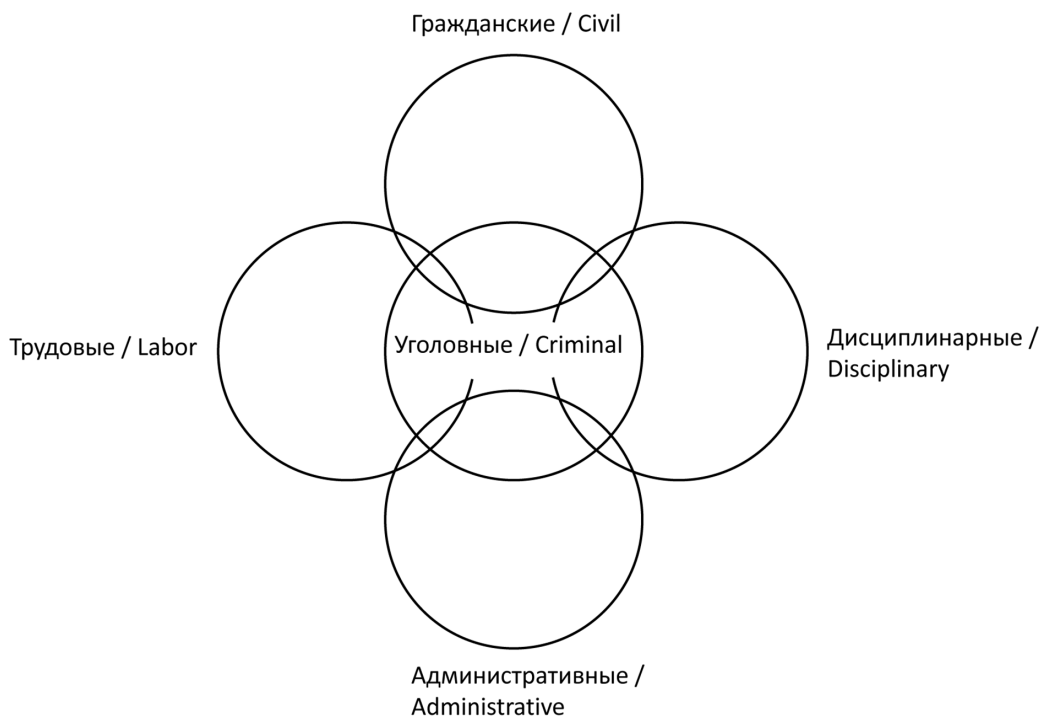
вляться в зависимости от их *убеждений*, что является недопустимым исходя из норм российской Конституции (ч. 2 ст. 19, ч. 1 ст. 29) и международно-правовых документов⁵. Кроме того, вслед за В. Н. Кудрявцевым мы считаем, что применительно к гражданину существует презумпция правомерности его поведения, которая основывается как на конституционных нормах, так и на положениях гражданского и уголовного процессуального права, содержащих близкие к ней презумпцию добросовестности и презумпцию невиновности: поведение гражданина всегда предполагается правомерным, если не будет доказано обратное [5, с. 157–158].

Ко *второй* категории отнесем тех лиц, криминогенные качества которых *проявились* в конкретных противоправных действиях. В криминологии подчеркивается взаимосвязь между правонарушениями различных видов, различающихся по степени общественной опасности (вредности), что может быть представлено в виде схемы, предложенной В. Н. Кудрявцевым (рис.) [5, с. 200].

⁵ Всеобщая декларация прав человека (ст. 2), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 2), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 9).

«Если все виды правонарушений изобразить в качестве элементов общего массива противоправного поведения, — раскрывал содержание этой схемы В. Н. Кудрявцев, — то уголовные правонарушения — преступления — будут представлять в этом массиве некое ядро — крайнюю степень выражения общественной вредности (опасности) и противоправности других видов правонарушений». Так, наиболее опасные административные нарушения перерастают в преступления против порядка управления (или общественного порядка и общественной безопасности), дисциплинарные — в должностные преступления, гражданские — в преступления против собственности и т. д. [4, с. 200; 6, с. 60–61].

Таким образом, криминогенные личностные диспозиции проявляются не только в преступлениях, но и в других правонарушениях, нередко предшествующих преступным действиям и перерастающих в них. Применительно к криминологической проблеме ограничения пассивного избирательного права в качестве объективных показателей наличия у человека таких негативных качеств полагаем возможным выделять факты совершения им преступлений и административных правонарушений, причем тех, которые отличаются повы-

Взаимосвязь правонарушений некоторых видов
Interrelation of some types of offences

шенной общественной опасностью, поскольку именно они могут служить индикаторами наличия устойчивых криминогенных личностных диспозиций.

Конституцией предусмотрено лишь одно «криминологическое» ограничение пассивного избирательного права: не имеют права быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32). По мнению Конституционного Суда РФ, данное положение не дает ни прямых указаний, ни оснований к такому его истолкованию, которое полностью бы исключало *иные* ограничения избирательного права *федеральным законом*⁶. Избирательные права могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции)⁷.

При этом возникает неизбежный вопрос о том, вправе ли федеральный законодатель ради защиты этих конституционных целей *по собственному усмотрению* исключать определенные категории граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности, или существуют дополнительные конституционные «ограничители» его активности.

В современной научной литературе (Г. А. Гаджиев, В. В. Лапаева, С. Цакиракис и др.) [18, с. 71–82; 19; 20] в качестве основного критерия ограничения прав человека и гражданина выделяют *принцип соразмерности (пропорциональности)*, что также закреплено в ряде правовых позиций Конституционного Суда о том, что федеральный законодатель обязан обеспечивать соразмерность ограничения прав и свобод конституционно закрепленным целям⁸. Таким образом, федеральный законодатель, ограничивая тем или иным образом избирательные права граждан, *должен доказать* реальную угрозу конституционным ценностям

в случае, если такие ограничения не будут законодательно установлены.

Федеральными законами определены дополнительные к конституционным «криминологические» ограничения пассивного избирательного права в отношении осужденных за совершение конкретных видов преступлений (тяжкие или особо тяжкие преступления, преступления экстремистской направленности) и административных правонарушений (предусмотренных ст. 20.3 и 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях)⁹. Поскольку в одной статье не представляется возможным проанализировать все из них, остановимся на наиболее важных, связанных с ограничением пассивного избирательного права по признаку судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления. При их рассмотрении в историческом контексте выясняется следующее.

В 2012 г. было установлено, что не имеют права быть избранными граждане, осужденные *когда-либо* к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями¹⁰.

Конституционный Суд, проверяя конституционность этих положений, сформулировал правовую позицию о том, что законодательное ограничение пассивного избирательного права для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, как мера, направленная на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти, преследует конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализа-

⁶ Абзац 1 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 757-О-О.

⁷ Абзац 3 п. 2.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

⁸ См., например: абзац 2 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-П, абзац 3 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П.

⁹ Пункт 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ.

¹⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ.

ции власти¹¹. Вместе с тем Суд пришел к выводу, что установленные ограничения пассивного избирательного права являются *несоразмерными* конституционно защищаемым целям, и признал указанные законодательные положения не соответствующими Конституции в той мере, в какой ими установлено *бессрочное и недифференцированное* ограничение пассивного избирательного права в отношении осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Федеральному законодателю было предписано внести надлежащие изменения в соответствующий закон¹².

В целях реализации данного постановления Конституционного Суда принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ, согласно нормам которого не имеют права быть избранными:

– осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления;

– осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости;

– осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости.

На наш взгляд, федеральный законодатель выполнил лишь одну часть решения Конституционного Суда, отменив *бессрочность* обжалованного лишения граждан права быть избранными. Другая часть судебного решения, касающаяся устранения *недифференцированного* ограничения пассивного избирательного права, реализована не была, хотя, по мнению Конституционного Суда, «соразмерность ограничений пассивного избирательного права предполагает не одно только исключение бессрочности запрета на его реализацию»¹³.

¹¹ Пункт 2.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

¹² Пункты 3.1–3.3 мотивировочной части, пп. 1, 4 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

¹³ Абзац 1 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

Соразмерность «должна обеспечиваться дифференциацией в зависимости не только от категории преступления, но и от характера и степени его общественной опасности, обстоятельств совершения и личности осужденного»¹⁴. Между тем обжалованные положения федерального закона от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ (которые так и не были скорректированы с точки зрения дифференциации ограничения пассивного избирательного права), как отмечалось Конституционным Судом, не допускают возможности ограничения права быть избранным тем или иным сроком с учетом назначенного наказания: одно и то же, достаточно строгое, ограничение применяется на том основании, что преступление отнесено к категории тяжких или особо тяжких — независимо от вида и степени общественной опасности, и даже в том случае, если суд с учетом всех обстоятельств дела посчитает содеянное заслуживающим менее строгого наказания, чем максимально допустимое при совершении преступления средней тяжести. При этом не принимается во внимание, какое именно наказание назначено — реальное лишение свободы или условное осуждение, а также на какой срок гражданин лишен свободы¹⁵.

Данная правовая позиция с криминологической точки зрения означает, что ограничение пассивного избирательного права должно быть дифференцированным в зависимости от степени криминализации личности и, соответственно, выраженности криминогенных диспозиций. Поскольку при назначении наказания учитывается характер и степень общественной опасности преступления и *личность* виновного (ч. 3 ст. 60 УК РФ), в судебном приговоре наряду с другими факторами находит свое отражение и оценка криминогенности личности, что специально подчеркивается в уголовно-правовой литературе [21, с. 371–387; 22, с. 185–223; 23, с. 155–167]. Однако эти, криминологические, аспекты не были приняты во внимание федеральным законодателем при ограничении пассивного избирательного права граждан, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

¹⁴ Абзац 4 п. 3.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

¹⁵ Абзац 5 п. 3.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

Проанализируем сложившуюся ситуацию на двух примерах. Напомним, что, согласно ст. 15 УК РФ, в качестве критерия отграничения тяжких и особо тяжких преступлений от преступлений средней тяжести назван лишь максимальный срок наказания в виде лишения свободы (не свыше пяти лет — за умышленные преступления средней тяжести, до десяти лет — за тяжкие преступления, свыше десяти лет или более строгое наказание — за особо тяжкие преступления).

Возьмем случай неправомерного завладения автомобилем без цели хищения (угон) группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 166 УК РФ), за совершение которого может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет. Данное преступление является тяжким *вне зависимости от размера наказания*, а также от того, *реальное или условное* лишение свободы было назначено, причем уголовная ответственность за его совершение наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Предположим, что группа подростков по предварительному сговору угнала автомобиль для того, чтобы покататься, и каждый получил наказание в виде лишения свободы на два года *условно*. Однако, так как совершено преступление, отнесенное к категории тяжких, они на срок до 18 лет после отбытия наказания (восемь лет — срок погашения судимости после отбытия наказания за тяжкие преступления плюс десять лет после ее погашения) одновременно оказываются пораженными в своих конституционных правах быть избранными в любой выборный орган власти и на любую выборную должность.

Рассмотрим теперь другой пример — получение взятки лицом, занимающим государственную должность (ч. 4 ст. 290 УК РФ), за совершение которого может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет, в связи с чем данное преступление, как и ранее рассмотренное, относится к категории тяжких. Представим себе, что федеральному министру, осужденному по этой статье, назначено реальное лишение свободы на восемь лет.

Очевидно, что степень общественной опасности личности осужденных в рассмотренных примерах абсолютно различна. Однако с точки зрения федерального законодателя, не учитывающего криминологические аспекты проблемы, подросток, совершивший угон автомобиля из баловства и получивший за это условное на-

казание, и министр-взяточник, которому назначено реальное лишение свободы на восемь лет, абсолютно равнозначны, поскольку они оказываются в одинаковой степени ограниченными в своем праве быть избранными, что вызывает серьезные сомнения насчет соответствия данных ограничений правовым принципам справедливости и соразмерности.

В данном случае, как представляется, нужно скорректировать существующий ценз судимости, установив дифференцированное его применение в зависимости от вида и размера наказания, назначенного за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления: например, установить, что при условном осуждении к лишению свободы указанное ограничение пассивного избирательного права распространяется только на период до погашения или снятия судимости. Разумеется, возможны и другие варианты дифференцированного ограничения пассивного избирательного права по признаку судимости, но при любом из них должны быть учтены криминологические особенности личности осужденных, ограничиваемых в своих избирательных правах.

С данным конкретным случаем вроде бы все понятно. Для *кардинального же решения* криминологической проблемы «профессиональной непригодности» народных представителей возникает необходимость в научно обоснованной совокупности криминологических противопоказаний для занятия выборной должности, которая может быть выработана только усилиями всего научного сообщества. Надеемся, что статья послужит катализатором для такой работы.

Вместо заключения. Смеем полагать, что все мы заинтересованы в том, чтобы к власти в нашей стране не приходили Плохиши, которые «забочку варенья и корзину печенья» готовы продать наши интересы. Именно по этой причине и нужно поставить законодательный барьер на пути лиц с такими криминогенными диспозициями, которые рвутся к этой самой власти, единственным источником которой мы с вами являемся. Вместе с тем нельзя «стричь всех под одну гребенку» и за прегрешения в детской песочнице ставить клеймо на всю жизнь. Ограничения пассивного избирательного права должны с необходимостью основываться на криминологических особенностях лиц, совершивших те или иные правонарушения. Вот об этом, собственно говоря, и написана настоящая статья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований / А. Г. Здравомыслов. — М.: Мысль, 1969. — 205 с.
2. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования / В. А. Ядов. — М.: Добросвет, 1998. — 596 с.
3. Рабочая книга социолога / под ред. Г. В. Осипова. — М.: Либроком, 2015. — 480 с.
4. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В. Н. Кудрявцева [и др.]. — М.: Юрид. лит., 1985. — 416 с.
5. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1982. — 288 с.
6. Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам : в 3 т. / В. Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 2002. — Т. 2 : Криминология, социология, конфликтология. — 283 с.
7. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. — М.: Норма : Инфра-М, 2017. — 286 с.
8. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007. — 912 с.
9. Сафронова Е. В. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория / Е. В. Сафронова, В. Е. Лоба // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3. — С. 10–17.
10. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии / отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — С. 89–105.
11. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / под ред. В. А. Ядова [и др.]. — 2-е изд. — М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
12. The handbook of attitudes / ed. D. Albarracin, B. T. Johnson, M. P. Zanna. — London : Lawrence Erlbaum Associates, 2005. — 826 p.
13. Blackwell Handbook of Social Psychology: Intraindividual Processes /ed. A. Tesser, N. Schwarz. — Massachusetts : Blackwell Publishers Ltd., 2001. — 656 p.
14. Baron R. A. Social Psychology / R. A. Baron, N. R. Branscombe. — 13th ed. — Boston : Pearson Education, 2012. — 539 p.
15. The Scope of Social Psychology / ed. M. Hewstone [et al.]. — Hove : Psychology Press, 2007. — 340 p.
16. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 363 с.
17. LaPiere R. T. Attitude versus action / R. T. LaPiere // Social Forces. — 1934. — Vol. 13, iss. 2. — P. 230–237.
18. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации) / Г. А. Гаджиев. — М.: Юристъ, 2004. — 286 с.
19. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации / В. В. Лапаева // Государство и право. — 2013. — № 2. — С. 14–24.
20. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? / С. Цакиракис // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 67–72.
21. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 2 т. / А. В. Наумов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. лит., 2004. — Т. 1 : Общая часть. — 496 с.
22. Велиев С. А. Принципы назначения наказания / С. А. Велиев. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 388 с.
23. Становский М. Н. Назначение наказания / М. Н. Становский. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. — 480 с.

REFERENCES

1. Zdravomyslov A. G. *Metodologiya i protsedura sotsiologicheskikh issledovaniy* [Methodology and Procedure of Sociological Research]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. 205 p.
2. Yadov V. A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya* [The Strategy of Sociological Research]. Moscow, Dobrosvet Publ., 1998. 596 p.
3. Osipov G. V. (ed.). *Rabochaya kniga sotsiologa* [Working Book of Sociologist]. Moscow, Librokom Publ., 2015. 480 p.
4. Kudryavtsev V. N., Dashkov G. V., Dolgova A. I., Karpets I. I. (eds.). *Kurs sovetskoj kriminologii: Predmet. Metodologiya. Prestupnost' i ee prichiny. Prestupnik* [A Course in Soviet Criminology: Object. Methodology. Crime and its Causes. A Criminal]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 416 p.
5. Kudryavtsev V. N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal Behavior: Norm and Pathology]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 288 p.
6. Kudryavtsev V. N. *Izbrannye trudy po sotsial'nym naukam* [Selected Works on Social Sciences]. Moscow, Nauka Publ., 2002. Vol. 2. 283 p.
7. Kudryavtsev V. N. *Prichiny pravonarushenii* [Causes of Offences]. Moscow, Norma Publ., 2017. 286 p.
8. Dolgova A. I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2007. 912 p.
9. Safronova E. V., Loba V. E. «Dangerous condition of person» as criminal term. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 10–17. (In Russian).
10. Yadov V. A. About dispositional regulation of social behavior of personality. In Shorokhova E. V. (ed.). *Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii* [Methodological Problems of Social Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 89–106. (In Russian).
11. Yadov V. A. (ed.). *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-control and prediction of social behavior of the individual. Dispositional concept]. 2nd ed. Moscow, Center of Social Predictions and Marketing Publ., 2013. 376 p.
12. Albarracin D., Johnson B. T., Zanna M. P. (eds.). *The handbook of attitudes*. London, Lawrence Erlbaum Associates, 2005. 826 p.
13. Tesser A., Schwarz N. (eds.). *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intraindividual Processes*. Massachusetts, Blackwell Publishers Ltd., 2001. 656 p.

14. Baron R. A., Branscombe N. R. *Social Psychology*. 13th ed. Boston, Pearson Education, 2012. 539 p.
15. Hewstone M., Schut H. A. W., De Wit J. B. F., Van den Bos K., Stroebe M. S. (eds.). *The Scope of Social Psychology*. Hove, Psychology Press, 2007. 340 p.
16. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 363 p.
17. LaPiere R. T. Attitude versus action. *Social Forces*, 1934, vol. 13, iss. 2, pp. 230–237.
18. Gadzhiev G. A. *Konstitutsionnye printsipy rynochnoi ekonomiki (Razvitie osnov grazhdanskogo prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii)* [Constitutional Principles of the Market Economy (Development of the Constitutional Basis of Civil Law in the Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 286 p.
19. Lapaeva V. V. Criteria of Restrictions of Human and Civil Rights in Constitution of Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no. 2, pp. 14–24. (In Russian).
20. Tsakirakis S. Proportionality: An Assault on Human Rights? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2011, no. 2, pp. 67–72. (In Russian).
21. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Kurs lektsii* [Russian Criminal Law. Course of Lectures]. 3rd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2004. Vol. 1. 496 p.
22. Veliev S. A. *Printsipy naznacheniya nakazaniya* [Principles of Sentencing]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr press Publ., 2004. 388 p.
23. Stanovskii M. N. *Naznachenie nakazaniya* [Sentencing]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr press Publ., 2004. 388 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черепанов Виктор Алексеевич — профессор кафедры государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, г. Ставрополь, Российская Федерация; e-mail: sigma45@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Cherepanov, Victor A. — Professor, Chair of State and Municipal Administration and Law, Stavropol State Agrarian University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician, Russian Academy of Natural Sciences, Stavropol, the Russian Federation; e-mail: sigma45@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Черепанов В. А. О криминологических вопросах ограничения пассивного избирательного права в противодействии коррупции / В. А. Черепанов // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 5. — С. 711–721. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).711-721.

FOR CITATION

Cherepanov V. A. On criminological aspects of restricting the right to be elected in counteracting corruption. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 711–721. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).711-721. (In Russian).